

Анатолий Либерман
Литературный обзор

Лидия Яновская. *Последняя книга, или треугольник Воланда с отступлениями, сокращениями и дополнениями*. Москва: ПРОЗАиК, 2013. 751 с., ил.

Это, к сожалению, и в самом деле последняя книга Лидии Марковны Яновской. Она не доведена до конца. Окончилась только жизнь автора, выдающегося знатока творчества Михаила Булгакова. Ее ранние исследования были посвящены Ильфу и Петрову, к концу сороковых годов полузапрещенных, а потом изъятых из литературы. В 1962 году, случайно наткнувшись на «Мольера», посмертно изданную книгу Булгакова, Яновская испытала потрясение, знакомое всем непредубежденным его читателям, и следующие полвека посвятила ему.

Тынянов считал, что самым главным человеком своей эпохи в России был Пушкин. Аналогично смотрела Яновская на Булгакова. Она помнила наизусть все версии всех его произведений, прошла его путями (благо, и родилась она в Киеве), была близким человеком Елены Сергеевны, последней жены писателя, но не раз встречалась и с первыми двумя; разыскала и опубликовала затерянные в периодике его ранние рассказы и заслужила неистребимую ненависть целой армии булгаковедов, ибо вслед за прижизненной славой, травлей и забвением возник булгаковский бум, сменившийся культом. Культ же нужен первосвященник, вокруг которого вьется толпа чинов пониже, но, конечно, и пирога на всех никогда не хватает.

Яновская же не была защищена ни ученой степенью, ни безупречной анкетой. Ее не пускали в архивы, договоры с ней расторгались, из журналов выкидывались принятые статьи, и чудо,

что хоть кое-что ей удалось опубликовать. Когда появилась возможность, она эмигрировала в Израиль.

На последних страницах книги (747-748), вышедшей с горьким предисловием ее сына и введением, написанным ею самой, мы читаем (абзацы укрупнены): «Я принадлежу к поколению людей Долга. Люди моего, уже ушедшего поколения думали, что в мире можно что-то изменить к лучшему, сделать мир умнее и справедливее. Хоть ненамного. А людей — хоть ненамного счастливее. Отсюда готовность к самопожертвованию. Тяготение к самопожертвованию. Оказалось, всё это чепуха. И следующее поколение считает нас идиотами. Может быть, они правы. Я была уверена, что делаю великое дело — ввожу в литературу великого писателя. Вздор. Моя работа превратилась в гумус, удобрение для бредовых сочинений, в гумус для удобрения новых карьер М. Чудаковой, В. Лосева, Б. Соколова, В. Петелина. Но, может быть, став безымянной, добытая мною информация, постигнутые мною истины только сменили автора, но продолжают служить человечеству или, по крайней мере, великой русской литературе? Нет! В руках новых авторов мои любимые открытия упорно превращаются в глупость, в гнусность, вранье. ...брань, вздор и глубокое непонимание... Что же делать? И я по-прежнему уйду в свое одиночество, в свою работу, в эти сладостные свидания с высокими взлетами человеческого духа... Когда соприкасаешься с личностью Булгакова, начинаешь думать, что для человечества еще не всё потеряно...»

За то, что Яновская, исхлестанная по одной щеке, не подставляла другую, она заслужила репутацию склочницы. О ее плохом характере ходили легенды. Хороший характер и сговорчивость («коллегиальность») достались тем, кто десятилетиями мешал ей работать. Последняя книга Яновской неоднородна. В ней есть вершины и плато, но в целом она не только полна тончайших

наблюдений и глубоких мыслей — она и написана блестяще. Хотя многие ее части пронизывает досада тайная обманутых надежд, в ее основе истинное проникновение во внутренний мир Булгакова.

Яновская всегда понимала, что Булгаков гениален. Отсюда ее бережное отношение к каждой букве и к каждой запятой рукописи. Сама она называла себя прежде всего текстологом. Она и была первоклассным текстологом, но, конечно, и тончайшим литературоведом. В отличие от многих специалистов, занимающихся современностью, она выработала подход историка и самостоятельно открыла для себя законы реконструкции. Эти законы просты, но нужен дисциплинированный ум, чтобы их соблюдать. Вот они. 1) При поисках происхождения слова, литературного мотива или идеи недостаточно найти их возможный источник: требуется источник вероятный. К тому же необходимо продемонстрировать несостоятельность всех прежних гипотез или хотя бы показать преимущества выдвинутой гипотезы перед всеми остальными. 2) Чем более замысловата и хитроумна реконструкция, тем она менее вероятна. Другими словами, нельзя запускать в оборот идеи вроде того, что Чичиков вознамерился украсть губернаторскую дочку. 3) Недопустимы объяснения, основанные на риторическом вопросе: «Если не так, то как же?» («Если не он, то кто же?»). Это и надо установить: как и кто?

Открытиям Яновской нет числа, и ей известно, что «они приходят сами и, как правило, неожиданно» (567). Самое известное из них — объяснение треугольника на портсигаре Воланда. Чего только не писали о нем! А это дельта, первая буква греческого слова *δьявол*, монограмма владельца. Замечу, что правильное решение обладает незаменимым свойством: его изящество и очевидность принимаются сразу, и люди начинают говорить: «Ну, разумеется. А разве не все это знают?»

Выработала в себе Яновская, и тоже самостоятельно, высокую культуру комментария. Беда комментаторов — сообщение избыточной информации. Из-за этой беды разбухают аннотации и выпускаются толстые «энциклопедии». Желание продемонстрировать эрудицию присуще не только булгаковедам: не все специалисты научились властвовать собою. Например, в примечаниях к шекспировскому «Юлию Цезарю» часто с большими подробностями описывают римские реалии, хотя существенно лишь то, что знал о них и что думал о своих персонажах Шекспир. Яновская неоднократно подчеркивает мысль о скупости комментария. Так, сравнивая концовки романа, сохранившиеся в разных редакциях, она пишет: «Мне случалось читать восторженные высказывания в критике по поводу того, что мастер за все его страдания получает наконец 'вечный дом'. Но среди книг, которые в последние годы работы над романом лежат у Булгакова под рукой и которыми он пользуется как справочной литературой, — сочинение Н.К. Маккавейского 'Археология истории страданий Господа Иисуса Христа' (Киев, 1891), а в нем такие строки: 'Вечный дом, часто употреблявшееся у евреев название для гробниц'». (78). Хватило нескольких строк. Теперь мы понимаем, почему мастеру дарован покой, а не свет, и можем не сомневаться в том, что освобождение он и Маргарита получили лишь после смерти. (Самые последние слова книги, сознательно опущенные мною выше: «...Боже, благодарю тебя за то, что я не великий писатель и за меня никогда не будут дописывать возвращенные в ГБ чиновники, и я получу то, чего даже после смерти не получил Булгаков, — забвение и покой...», 748.)

Необычайно сильно желание цитировать и цитировать, но книга огромная, так что обо всём не расскажешь. Приведу лишь один абзац. Булгаков регулярно подписывал телеграммы и письма Елене Сергеевне: «Твой М.». Что же тут особенного? «Видите ли, М. — не

только его инициал, это инициал его героя, мастера: '— Я — мастер, — он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой 'М'. Он надел эту шапочку и показался Ивану и в профиль и в фас, чтобы доказать, что он — мастер'» (93). Вот ведь и на портсигаре Воланда одна буква. Таких откровений в «Последней книге» множество. Яновская с презрением относилась к мысли, что «Мастер и Маргарита» — роман с ключом.

И действительно, нет ничего более губительного, чем выискивать в великом произведении литературы шифр, ибо произвольных шифров можно подобрать множество, а доказать ничего нельзя, и мы возвращаемся к Чичикову и губернаторской дочке. Намеки и прототипы, конечно, есть. Сам Булгаков чем-то похож не только на мастера, но и по догадке Яновской на Воланда (456-457), а в Маргарите сколько угодно черт Елены Сергеевны. «Театральный роман» целиком построен на жизни МХАТ'а, но это всё не тайнопись. Хоть в «Гамлете», хоть в романе Булгакова надо попытаться понять смысл, и у каждого будет свое понимание происходящего в них. Абсолютно понятны только «Кавалер золотой звезды» и «Дядя Степа». Но смысл не отмычка. Ахматова говорила, что с «Пиковой дамы» можно снимать слой за слоем, как с капусты. То же происходит с «Мастером и Маргаритой». Утверждения же, что в его основе масонская символика, что Иуда из Кариафа — это Маяковский, и тому подобное — эффектные выдумки (560-567), «самонадевающиеся галоши», изобретенные популярнейшим сотрудником Научно-исследовательского института чародейства и волшебства из романа Стругацких «Суэта вокруг дивана. Понедельник начинается в субботу» (журналисты ходили за ним толпами).

Права Яновская и в том, что в «Мастере и Маргарите» нет попыток обойти цензуру. Роман мыслился как неподцензурный и для печати не

предназначался. Более спорен вопрос об отношении Булгакова к знавшему ему цену Сталину. Кого только не загипнотизировал всесильный диктатор! Конечно, лучше было бы, если бы Мандельштам ограничился памфлетом о кавказском горце и не написал не спасшего его стихотворения, а Булгаков, рассказавший о том, как предал Людовик Мольера и знавший, что король непременно отдаст на растерзание своего любимого драматурга, не взялся сочинять «Батум», но пьеса, как поясняет Яновская, всё равно получилась хорошая (Булгаков не умел писать плохо). Не нам бросать в Булгакова камень. Простили же мы Пушкину его верноподданические стихи и то, что, когда его мучила бессонница, «няня» посылала ему сенных девушек («там розы юные цветут для прихотей развратного злодея»).

Яновская приводит многочисленные доводы в пользу того, что герой романа Булгакова не мастер, а Понтий Пилат, и мастер тоже пишет о Пилате (131-137). Личность человека, без колебаний бросающегося в гущу боя, но трусливого в гражданской жизни, издавна интересовала Булгакова. Одно дело — рубить германцев, и совсем другое — наслаждаться прекрасной (лучше не бывает) властью императора Тиверия. Герой «Батума» тоже чем-то напоминает подававшего надежды Пилата. Насчет белого плаща судить трудно, но кровавый подбор был виден с любого расстояния. Булгаков ведь пережил тридцать седьмой год, газеты читал и радио слушал. Небольшой раздел о Понтии Пилате и Сталине (431-437) — один из самых замечательных в книге. Берлиоз, как его понимает Яновская, — это знание (эрудиция), лишённая интуиции. Булгаков же обладал и тем, и другим. То же можно сказать о Яновской.

Понтий Пилат — мост между историей и Библией. Рядом с Пилатом Воланд, носитель жестокой, нечеловеческой справедливости, не дьявол-искуситель, а Князь тьмы, воплощение могущества, владыка

ночного, лунного, оборотного мира (49). И вот уже всё громче хор голосов, утверждающих, что роман Булгакову нашептал Сатана, что евангельские главы кощунственны (и всякому верующему это вроде бы ясно с первого взгляда). Особенно ясно это вчерашним атеистам, в юности восхищавшимся «Мастером и Маргаритой», а теперь прозревшим. Яновская обильно цитирует «ортодоксов». Неофиты — везде самый страшный народ. Удивительно, что они пока еще не возродили в России духовную цензуру и не запретили лермонтовского «Демона» и богохульный, по их мнению, роман Булгакова. Доживи Булгаков до наших дней, они бы травили его столь же истово, как в свое время травили познавшие абсолютную истину партийные критики.

Из сказанного можно сделать вывод, что «Последняя книга» почти целиком о романе. На самом же деле в ней исследуется всё творчество Булгакова и прослеживается вся его жизнь. Свидетельство тому — название основных частей, каждая из которых разбита на множество главок: «Шесть редакций романа», «Комедиант господина и господин комедианта», «Размышления у книжной полки» (истинный, а не вымышленный круг чтения Булгакова, библиотека которого не сохранилась), «Понтий Пилат. Иешуа Га-Ноцри. Воланд», «Горизонталы и вертикалы Ершалаима», «Загадочный треугольник и цвета бытия», «'Я розы люблю'». Приложение: «Встреча в Ханской ставке, или Как делаются открытия».

На семистах с лишним страницах «Последней книги» разворачивается панорама двух жизней: великого писателя Михаила Афанасьевича Булгакова и преданнейшего, надежнейшего толкователя его наследия Лидии Марковны Яновской. Читая эту книгу, можно прибегнуть к злословию, но нельзя остановить истину.